

**ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ**

**НЕЖНЫЙ
КИЛЛЕР**

В ПОСЛЕДНИЙ
МОМЕНТ СЛУЧАЕТСЯ
НЕПРЕДВИДЕННОЕ...

Владимир Григорьевич Колычев
Нежный киллер
Серия «Колычев. Лучшая
криминальная драма»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69549424
Нежный киллер: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-191255-0

Аннотация

Начальник ОМВД одного из приморских городов подполковник Артем Малахов состоит в опасной связи с красавицей Евой. Девушка пользуется успехом у мужчин, отчего то и дело создает криминальные проблемы. На этот раз она стала причиной серьезных разборок двух авторитетов, закончившихся кровью. Бандиты решают отобрать Еву у Малахова, а самого полицейского прикончить. Исполнить заказ нужно красиво и со знанием дела. Для этого уже подобран необычный исполнитель. Уже приготовлено оружие убийства. Уже взведен курок... Однако, в последний момент случается непредвиденное...

Еще одна захватывающая история, в которой человеческие чувства проходят жестокие испытания суровыми обстоятельствами. Автор-сила, автор-любовь, автор-ностальгия –

по временам, когда миром правили строгие понятия и настоящие мужики.

Суммарный тираж книг этого автора – более 13 миллионов экземпляров.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	40
Глава 4	57
Глава 5	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

**Владимир
Григорьевич Колычев
Нежный киллер**

© Колычев В.Г., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Апрель, весна, промерзший за зиму воздух прогревается солнцем, просыпается природа, в деревьях начинают бушевать соки, в людях – гормоны. В это время кривая преступлений против половой неприкосновенности резко устремляется вверх.

Ольге Самохваловой не повезло, позавчера девушка возвращалась с работы домой, подъехал дорогой внедорожник, из него вышел озабоченный бандит, предложил свою любовь. А получив невежливый отказ, набросился на девчонку с кулаками. Одним ударом сломал ей нос, другим выбил зуб, схватил за волосы, затащил в машину. К счастью, мимо проезжал патруль, подонка задержали, пострадавшую отправили в больницу, там она и написала заявление.

А сегодня Самохвалова заявление отозвала. Подполковник Малахов даже не думал ее в чем-то упрекать. Ей ведь досталось не абы от кого, а от Никса. Известного бандита, в свое время занявшего место знаменитого Грамаря. А сейчас он замещал самого Борщевика, главного авторитета Волговодска и прилегающих к нему районов. Самохвалову могли убить, не прими она предложение, от которого невозможно отказаться.

Никс прятал улыбку, торжествующе глядя на Малахова. Уголовное дело можно закрывать, а его – выпускать на сво-

боду. Закон есть закон.

– А чему ты радуешься? – спросил Артем.

Никс, он же Никишин Семен Денисович, выглядел внушительно. Блестящая лысина, массивный лоб, широкая переносица, тяжелая нижняя челюсть, сильная шея, покатые плечи. Сломанные на борцовских коврах уши не превратились в уродливые пельмешки, а так и остались торчать локаторами на лысой голове. Торс у него мощный, а ноги на вид ничем не выдающиеся. Обычные ноги, не худые, не толстые. Тесный темно-синий костюм смотрелся на нем очень даже хорошо.

– Я не радуюсь, я каюсь, – усмехнулся Никс.

– Ну да.

– Ну, нашла нелегкая, сам знаешь, как это бывает.

– Не знаю. Я на женщину руку не поднимал! – Артем возмущенно повел бровью.

– Не руку. Но такое же тяжелое... Или нет?

– Положу на тебя, узнаешь. А я положу. Потому что гнида ты, Никс!

– За базаром следи, начальник!

– И ты следи, – кивнул Малахов. – За руками.

– Да я-то слежу. И ты нормально фильтруй.

Артем усмехнулся, глядя Никсу в глаза. Не осознал бандита остроту текущего момента, а ведь его предупреждали.

Как и оказалось, Никс действительно не ожидал удара. А рубанул Малахов мощно, наверняка. Никс мужик хоть и тре-

нированный, а сильный, по-настоящему сильный удар заставил его схватиться за живот и согнуться в поясе.

– Это предупреждение, – сказал Артем. – В следующий раз ударю ниже.

– Ну, ты в натуре, начальник, – сквозь зубы процедил Никс.

– Неправильно говоришь. «Я больше не буду, начальник» – вот так правильно.

– Правильно будет, когда ответишь.

– Давай спрашивай! – Малахов раскрылся для ответного удара.

В кабинете только он и Никс, ни свидетелей, ни камер. И руки у бандита свободны.

– Знаю я вашу породу!.. – скривился Никс.

– А я знаю вашу! Сначала нагадите, потом бегаετε от своего же дерьма, – презрительно скривился Малахов. – Где Борщевик?

И года не прошло, как он вступил в должность начальника отдела МВД по Волговодскому району, но Борщевик уже считай, на задворках местной криминальной истории. Малахов низверг его и растоптал. Борщевик сам настоял на мирном договоре, обещал быть шелковым. Но не прошло и месяца как заказал Артема, но снова облажался. Прямых доказательств его вины Малахов так и не получил, но Борщевик все равно не рискует появляться в городе. Да и не нужно ему это. Может, осел где-нибудь в тихой гавани, живет в

свое удовольствие на деньги, которые зарабатывает для него Никс.

– Ну-у...

– И ты будешь бегать. Если не поймешь, что не ты хозяин в этом городе. Закон в этом городе хозяин. Закон!.. Вопросы?

Малахов смотрел на бандита жестко, зло. Он не собирался заключать с ним никаких договоров, призывать к мирному сосуществованию. Оступится Никс на своей скользкой дорожке, упадет носом в свое дерьмо, Артем отмывать его не станет. Сколько заработал, столько и отмерит...

– Ну, закон так закон. Я против закона ничего не имею, – заелозил Никс.

– Тогда условно свободен.

– Условно?

– Пошел!

Кивком указав на дверь, Малахов подумал о потерпевшей, с которой Никс мог свести счеты. Но имя Ольги Самохваловой так и не произнес. Зачем? Он ведь ясно сказал, что спросит с Никса за любого человека, которого тот посмеет обидеть. И с него спросит, и со всех, кто не хочет жить правильно...

* * *

Третий день льет дождь, выходные прошли под знаком дождя, понедельник начинается с него же. Сейчас бы в каби-

нете сидеть, горячим чайком баловаться, а служебный долг бросает в мокрядь.

Дорога плохая, трещины, колдобины, прочие неровности, песка много, щебня, но покрытие асфальтовое. Ноги в грязи не утопают, и то хорошо. А от дождя худо-бедно спасают непромокаемые накидки и зонты. Майор Павлов надел дождевик, следователь Планидкин под зонтом, криминалист Колышкин Станислав Петрович взял на вооружение и то, и другое. А потерпевшему все равно, лежит себе на обочине, вытянув руки и ноги, глаза открыты, зубы оскалены. А выражение лица злобное. Ни страха, ни боли в предсмертной гримасе, одна только злоба.

Человека убили ударом по голове, чем-то острым проломили надлобье, если точнее, чешую лобной кости. Удар оказался и сильным, и точным, потерпевший, похоже, умер мгновенно, видимо, даже не успев прочувствовать боль и страдание. И злобное выражение на лице не сменилось выражением страха. Возможно, человек перед смертью с кем-то дрался, хотя на лице и не видно побоев. Не исключено, что пострадавшего ударили только один раз и наверняка.

Куртка нараспашку, воротник оттянут вверх, рукава подняты, волосатые запястья обнажены, видны часы. Одна туфля стянута с ноги, мало того, ее переехала машина. Дождь смыл грязь от колеса, но след протектора угадывается. Да и смята туфля – под весом автомобиля. На руках у покойника кожаные перчатки без пальцев, правая штанина подвернута,

так делают некоторые водители, особенно в дождливую погоду, когда на резиновых ковриках под педалью газа хлюпает грязь.

– С дороги труп стаскивали, – глядя на покойника, сказал Планидкин. – Чтобы проезду не мешал.

Выражение лица у него, как обычно, апатичное, а взгляд живой, пытливый.

– А где машина? – спросил Колышкин, осторожно вынимая из кармана покойника портмоне.

У этого, напротив, мимика выразительная, а взгляд усталый.

Максим Павлов кивнул, глядя, как эксперт открывает портмоне, в прозрачных карманах которого хранились документы. И техпаспорт на машину там, водительские права.

Павлов посмотрел в сторону поселка, в окрестностях которого нашли труп. Километра два всего до Ветряного, а дома под пеленой дождя едва угадываются. Утро уже наступило, половина седьмого, но небо затянуто тучами, солнца не видно. И настроение такое же пасмурное. Но работать надо.

– Микроавтобус «Форд Транзит», – прочитал Колышкин. – Две тысячи пятого года выпуска. Владелец – Ямщиков Василий Семенович. Населенный пункт Ветряной, улица Линейная, дом девятнадцатый.

– Телефон бы глянуть, – сказал Павлов.

– Телефона нет, – ощупав карманы куртки, качнул головой эксперт.

– Так и запишем: «Телефон остался в машине».

Павлов принял информацию к действию, позвонил оперативному дежурному, назвал номер и велел принять меры к розыску и задержанию автомобиля.

– А часы ничего себе, швейцарские, – осматривая труп, прокомментировал Планидкин. – Не самые, конечно, дорогие, но и не дешевые.

– На месте часы... – кивнул Павлов, глянув на носок на левой ноге покойного.

Дырка на пальце, небольшая, но в глаза бросается. Или Ямщиков надевал носки в темноте, поэтому дырку не заметил, или ему было все равно, в чем ходить. Но если все равно, то почему куртка в хорошем состоянии, джинсы не рваные? Туфля довольно прилично выглядит, раздавленная, но не стоптанная, каблук ничуть не скошен.

– Значит, не ограбление.

– И деньги там в портмоне, карточка банковская, – кивнул Кольшкин.

И он, и следователь уже начали работу, осмотр места преступления на них, следы, улики, фото- и видеофиксация. Но со следами сейчас туго, дождь многое смыл. Кто-то тащил покойника, а на обочине ни одного свежего отпечатка ноги. Но это только так кажется. Более детальный осмотр может дать результат. И еще преступник тащил свою жертву, хватал за куртку, возможно, голыми руками. А потожировые выделения дождем плохо смываются, что-то может остаться.

ся. Выделение ДНК из потожировых следов процедура сложная, далеко не всегда возможная, но пальчики снять, возможно, получится. Куртку придется снять, отвезти в лабораторию, там цианоакрилатовая камера. Какой-то шанс на положительный результат имеется.

И еще неплохо было бы взять на экспертизу орудие убийства. Павлов мог только догадываться, чем проломили голову, но ничего похожего на монтировку, молоток и топор в поле зрения не попадало. Или в машине орудие преступления уехало, или где-то в траве у дороги валяется.

– Возможно, бытовуха, – предположил Павлов.

– С кем-то что-то не поделил Ямщиков, – кивнул в раздумье Планидкин. – С кем?

– Может, с пассажиром... – пожал плечами Кольшкин. –

Может, его из машины выбросили?

– На обочину?

– На дорогу.

– Если на дорогу, то на встречную полосу... – сказал Планидкин.

Павлов кивнул, соглашаясь со следователем. Дорога двухполосная, тело из машины могли выбросить на встречную полосу или на обочину. Существовал и третий вариант, через багажник. Но и тогда тело не могло помешать движению, если, конечно, микроавтобус двигался исключительно задним ходом. А труп стащили с дороги, потому что он мешал движению. Значит, еще живой Ямщиков стоял перед маши-

ной, дорогу которой и перегородил. Тело убрали с дороги, машина уехала, все просто.

– Здесь на дороге убили. Может, пассажир, может, на дороге кто-то попался... Может, он кому-то остановил... Этот кто-то его и ударил. Возможно, монтировкой.

– С гвоздодером, – кивнул Колышкин.

– Ударил, убил, оттащил труп... Но если тащить труп... – Павлов показал, как преступник брался двумя руками за воротник покойника. – Если тащить труп, монтировка будет мешать...

Он размахнулся, забросил в траву за обочиной воображаемое орудие преступления и только затем взялся за труп. Целую пантомиму изобразил.

– Или в машину бросил! – подал голос лейтенант Кудылин.

Павлов улыбнулся, с иронией глянув на него. Хитрый жук, понимает, чем грозит ему версия начальника. Почва окрест дороги песчаная, ноги в грязь не проваливаются, но трава мокрая, искать в ней орудие убийства удовольствие сомнительное, вот он и согласился с более удобной версией.

– Это ты правильно подумал, Константин Сергеевич! Руки в ноги – и вперед! – Павлов обвел рукой пространство вокруг дороги.

– Ноги в руки... – начал, но запнулся Кудылин.

Нехорошо поправлять начальника, тем более когда он прав. К самым ногам придется опускать руки, чтобы найти

орудие убийства. Руки в ноги, а голову в траву...

– А ноги в руки – это для меня, – усмехнулся Павлов. – Какая там у нас улица?

В полицию позвонил случайный водитель, проезжал, увидел труп, сообщил.

Ветряной начинался с приселка из трех домов, дальше разрыв метров триста-четырееста, и снова дома – сплошной линией. По Линеинной улице. Строение девятнадцать представляло собой кирпичный дом на две семьи с разделенными забором участками. Фактически две квартиры, а в техпаспорте почему-то указан только дом.

Максим начал с первой квартиры, нажал на кнопку звонка. Ему долго не отвечали, наконец появился рослый мужчина с многодневной щетиной и обветренными губами. Дождь прекратился, но с дерева капало ему на плешивую макушку.

Максим увидел на руке у мужчины кровь, но также заметил и прилипшую к пальцам рыбью чешую. А одежда у него относительно чистая. Куртка рабочая, пятна на ней застарелые, а свежей грязи не видно. Крови тем более. Трикотажные штаны на нем, на калошах следы засохшей огородной грязи, которая только-только начала отмокать от соприкосновения с мокрым асфальтом.

– Чего?

– Майор полиции Павлов!

Щека у мужчины дернулась, он сдал назад, закрывая перед собой калитку. Но двигался он неуверенно и калитку за-

крывал медленно. Максим с силой толкнул калитку, мужчина стал падать.

– Лежать! Не двигаться!

Во двор Павлов заходил, на ходу вынимая пистолет. И с предохранителя его снять успел, и затвор передернуть, когда на него с лаем накинулся плотно сбитый, прыгавший на сильных ножках мопс. Стрелять Максим не стал, просто пнул собаку, и очень удачно. Пес мгновенно заткнулся и, поджав хвост, бросился к дому.

Мужчина поднялся, но Максим направил на него пистолет.

– Лежать, я сказал!

– Ложусь! – Мужчина осторожно приземлил свой зад на деревянную скамейку, вмурованную в землю.

– Руки вперед!

Мужчина кивнул, вытянул руки, Павлов протянул ему наручники.

– Надевай!

– Хорошо... – Мужчина надел наручники и только тогда спросил: – А что я такого сделал?

– А что ты такого сделал? – спросил Максим, глядя на приоткрытую дверь, за которой скрылась пришибленная собака.

Дверь никто не закрывал, занавески в окнах не шевелились, в доме, похоже, никого не было. Но снова мог появиться мопс. Максим и чувствовал вину перед ним, но, если

вдруг опять нападет, ударит снова, не раздумывая.

– Так это не я!

– А кто?

– Не знаю... Иду, слышу, как рванет!.. Ну, рыбу, думаю, глушат...

– Тротилом?

– Так это не я!

– А кто?

– Ну, Михайловна, может, и меня видела.

– Михайловна?

– Не знаете?

– И тебя не знаю. Фамилия? Имя? Отчество?

– Чесноков... Яков Ильич.

– Рыбу режешь?

– Карпа поджарить хочу.

– За что?

– Как это за что?

– Ямщикова за что убил?

– Ямщикова?!.. Ваську?!.. Как это убил? – захлопал глазами Чесноков. Он находился в состоянии шока, и Павлов не видел в том фальши.

– А руки чего в крови?

– Так карпа режу.

– А времени сколько? Не рано ли для карпа?

– Так жена сейчас со смены вернется, она просила рыбку на завтрак поджарить.

– Со смены жена?

– Она у меня в электросети, диспетчером.

– Они ж только к обеду сменяются.

– Моя утром, скоро будет... А что? Ямщикова убили?

А сейчас Чесноков фальшивил. Понимал, что его могут или уже подозревают в убийстве, поэтому переборщил, изображая ужас.

– Ямщиков твой сосед?

– Да.

– Когда он сегодня утром уезжал?

– Ночью, темно было. Часа в два.

– А чего так рано?

– Ну так он в любое время сорваться может, микроавтобус у него, по заказам работает.

– Женат?

– Кто, я?

– Ямщиков.

– Да, женат, Оксана сейчас дома должна быть, так-то она на почте работает.

– Дети?

– У нас сын, а у них дочь...

– Сын где?

– В школу, в город повезли, автобус забрал.

Павлов кивнул, видел он автобус с табличкой «дети», на встречу ему ехал.

– И Ленка поехала, ну, Ямщикова дочка...

– А вы, я вижу, дружно с соседями живете? – Павлов смотрел на межевой забор, его заинтересовала калитка в нем. – В гости друг к другу ходите?

– Ну а чего нам враждовать?

– Пойдем, позовешь Оксану... э-э... – Максим сделал паузу, ожидая ответа.

– Оксана Евгеньевна.

Павлов не торопился снимать с Чеснокова наручники. Вдруг он и есть убийца, вдруг, почуяв свободу, сбежит от него. Еще и ударит. Мужик он крепкий. Такой запросто мог человека с одного удара убить, если монтировкой.

Ямщикова очень удивилась, увидев соседа в наручниках. Крупная женщина, лицо широкое, щеки пышные, но ее это ничуть не портило. Большие светлые глаза, изящный носик... Очень интересная женщина. И уже вдова. Максим ничуть не сомневался в том, что на дороге лежал Ямщиков Василий Семенович, а не кто-то другой. Уж очень оригинал похож был на фотографию в его водительском удостоверении.

– Яша, ты чего?

– Да вот, за убийство... – Чесноков запнулся, замолчал и косо глянул на Максима.

– Вы кто? – посмотрела на него и женщина.

Она уже собралась на работу, и волосы уложены, и макияж наведен, плащ на ней, шарфик, полусапожки на невысоком каблуке. Осталось только сумочку взять – и можно уходить. Она явно ничего не знала.

– Оксана Евгеньевна, мне очень жаль, – вздохнул Максим.

– Кто вы такой? – Голос женщины перешел на хрип. Краска сходила с ее лица.

– Майор полиции Павлов.

Максим достал удостоверение, но Ямщикова смотрела на Чеснокова.

– Почему за убийство? Что за убийство?

– Оксана Евгеньевна!..

– Что с Василием? – Ямщикова повела рукой в поисках опоры, зацепилась за столб, на котором держался козырек над крыльцом.

– Оксана Евгеньевна, скажите, гражданин Чесноков уезжал сегодня вместе с вашим мужем?

– Гражданин Чесноков? – женщина глянула на соседа.

– Яков Ильич, – кивнул Павлов.

– Нет, не уезжал.

– Вы в этом уверены?

– Да, я термос Василию принесла, он уже за ворота выехал. Не было никого в машине.

– Вы на улицу выходили?

– Да, на улицу.

– И сразу домой?

– Да нет, какое-то время стояла... На сердце что-то давить стало... Что с Васей? – взвился голос женщины.

Но Павлов не отвечал. Ямщикова и без того все поняла, хотя еще на что-то надеялась.

– А Яков Ильич вслед за вашим мужем не выезжал? Может, вы видели, как он выезжал со двора?

– На чем выезжал? – хмыкнул Чесноков. – У моей машины двигатель в ремонте. Второй год уже.

– У Яши нет машины, – кивнула, подтверждая женщина.

– И такси он не вызывал?

– Не было такси.

– Значит, не он вашего мужа убил, – снимая с Чеснокова наручники, сказал Максим.

– Не он убил, – с чувством облегчения согласилась Ямщикова.

– А муж ваш по вызову уехал?

– Да, там группу из Волговодска забрать надо было.

– Понятно.

– А он забрал группу?! – встrepенулась женщина, уставившись на Максима.

– Не думаю.

– Но не Яша его убил?

– Нет, не он.

– А кто его убил?

Из глаз женщины хлынули слезы. Максим вздохнул, глядя на нее. Говорят, в таких случаях лучше заплакать, чем держать горе и слезы в себе. Так это или нет, он не знал. Но понимал, что лучше не попадать в такие ситуации.

Глава 2

Документы не обманули, на обочине дороги лежал труп Ямщикова Василия Семеновича, его вдова это подтвердила. Узнала мужа и упала в обморок. Ватка с нашатырем привела ее в чувство. Но не совсем. Планидкин пытался задавать ей вопросы, но женщина его как будто не слышала, тупо смотрела перед собой.

– Что интересного можете сказать? – спросил Максим, обращаясь к эксперту-криминалисту.

Но при этом он смотрел на Кудылина, который разводил руками. Совсем еще молодой лейтенант, и года нет, как выпустился из колледжа. Но уже заслуженный. Одно то, что Малахова от киллера спас, чего стоит.

– Да так, ничего особенного, – пожал плечами Колышкин, глянув на своего коллегу из судебной медицины. – Смерть наступила в районе трех часов ночи в результате проникающей черепно-мозговой травмы.

– Следы преступника?

– Пока ничего сказать не могу. Следов физического контакта жертвы с преступником пока не обнаружили. Драки как таковой не было, преступник ударил сразу и убил. Чем, пока не ясно, но похоже на гвоздодер... Да, кровь обнаружили. На дороге. В нескольких местах. Так не видно, только ультрафиолетом.

– Чья кровь?

– Возможно, потерпевшего...

– Почему возможно?

– Да есть вопросы. Как могла кровь потерпевшего оказаться там, где стояла машина?

– Брызнуть?

– Брызнуть она могла, когда потерпевший падал. Кровь не могла брызнуть под машину... Кровь могла упасть с пальцев преступника. Может, на руку попала, он стряхнул, капли под машину...

– А где стояла машина?

– Ну, где... – Колышкин обвел рукой место, где предположительно стояла машина потерпевшего. – Следы торможения смыло, но кое-что осталось... И следы от обуви смыло, но тоже кое-что нашли. Не знаю, будет ли толк... Мыто, конечно, все отработаем – и кровь, и все остальное. Но в целом, скажу я вам... Да, кстати! – оживился эксперт. – На обуви, на носке имеется след старой краски. Зеленого цвета... Свежий след.

– Краска старая, а след свежий, интересно.

– Не знаю, с какой поверхности. Может, с двери, может, с забора. Или со стены, если стены красят масляной краской.

– Бывает.

– Туфли с вечера вымыли, начистили, а ночью был удар. По двери, по стене. Краска старая, отслоилась, а на дожде размокла... Если по двери, то где-то на открытой местно-

сти...

– Может, дверь на Ямщикова напала? – в шутку предположил Павлов. – С облупленной на ней краской.

– Здесь? Здесь не могла. А где-нибудь... Где-нибудь Ямщиков мог напасть на дверь. Может, психанул и ударил ногой.

– Психанул, – эхом отозвался Максим.

Зазвонил телефон.

– С пепелища тебе звоню, – весело сказал Стасов.

– Не понял.

– Еще дымится!

– Что дымится? «Форд»?

– «Транзит».

Телефон Ямщикова Павлов отработал сразу же, как только узнал номер. Сам телефон не подавал признаков жизни, но осталась история его перемещений, по ней и установили место, где могла находиться машина. А тут майор Стасов позвонил, спросил, что да как, Максим доложил, и дальше уже действовали без него. Стасов сам отправился за машиной, хотя мог переложить это дело на подчиненных. Как-никак он второй человек в районном отделе после Малахова.

– Сожгли?

– Следы замели.

– Может, кровь там была. И там, и здесь, на дороге... Скорее всего, преступник был ранен.

– Сгорело все. Но без преступника.

– А у нас от преступника как минимум одна капля крови.

Не думаю, что последняя.

– Отлично! Работаем! Ты давай там, я давай здесь.

Максим закончил разговор, подошел к Ямщиковой, которая все так же тупо смотрела, будто сквозь тело своего мужа, куда-то в землю.

– Я тоже думаю, что Василий перед смертью очень сильно на кого-то разозлился, – тихо сказал Павлов.

– На кого-то? – резко глянула на него женщина.

– А на кого он мог разозлиться?

– На Шарьялова?!

– Кто такой Шарьялов? – Максим бережно взял Ямщикову под руку и повел к своей машине.

– Да есть у нас тут один урод... А ведь это он!.. – вдруг осенило женщину, и она, отталкивая его, всплеснула руками. – Тут же недалеко!

– Где недалеко? – глянув на Планидкина, спросил Павлов.

Группой и всей работой руководил следователь, никто этого не оспаривал. Но женщину разговорил Максим, это, во-первых, а во-вторых, он тоже не абы кто, а начальник районного уголовного розыска. Так что Планидкин пусть пока отдыхает. И слушает, если ему интересно.

– Ну тут, первые три дома! – Ямщикова махнула в сторону поселка.

– Да, видел.

– Я в магазине была, Шарьялов подходит, говорит, при-

вет, как дела! Целоваться полез, как будто мы с ним друзья!
Облапал меня, как будто... Скот озабоченный!

– Дальше что?

– Ну что, Василий узнал, взбесился, разбираться поехал.

– Когда?

– Вчера вечером.

– Разобрался?

– Да нет, дома, сказал, не было. Соседка сообщила, что в город уехал. На автобусе... Там остановка автобусная... О чем это я? – осадила себя Ямщикова.

– Все хорошо, все правильно. Остановка, автобус... Подробности приветствуются.

– Василий сегодня, когда уезжал, злой такой был. Я еще подумала, что он к Витьке. Ну, к Шарьялову заедет. Даже сказала ему. Давай не сегодня, мол. А он, да у меня и времени нет...

– Не заезжал?

– Не знаю.

Машиной потерпевшего занимался Стасов. Павлов решил остаться на месте преступления, здесь и работать. Кудылин ничего не нашел, у Стасова спрашивать о монтажке бесполезно. Во-первых, в сгоревшей машине найти ее весьма проблематично, во всяком случае, пока там все не остынет. Во-вторых, если орудие убийства там, следы пальцев на нем уничтожены. А в-третьих, искать орудие преступления в машине просто глупо. Если убийца сжег машину, то от главной

улики он избавился в первую очередь. И если выбросил монтировку, то в реку. И уж точно не туда, где ее могут найти.

– Все осмотрел? – спросил Павлов, обращаясь к Кудылину.

Из оперов в группе только он, а одному к Шарьялову ехать нежелательно. Тип этот как минимум неуравновешенный, к таким без напарника лучше не соваться. Максим собирался взять Кудылина с собой.

– Да в той стороне, – лейтенант повел рукой на восток.

– А там? – Павлов кивнул в другую сторону.

– Там? – нахмурился Кудылин.

– Нет?

Преступник мог забросить монтировку в любую сторону. С учетом сгоревшей машины вероятность такого события приближалась к нулю, но к Шарьялову Максим отправился в одиночку. Хотел прихватить с собой Ямщикову, отвезти ее домой, но женщина наотрез отказалась уходить.

Три дома на отшибе, соединенные между собой газовой трубой. Один из красного кирпича, небольшой, но на высоком фундаменте, обложенном декоративным камнем, и под крышей из битумной черепицы. По фасаду забор металлический, профлист к столбам прилегал плотно, во двор не заглянешь. Но дом можно было рассмотреть с дороги, через простой сетчатый забор, отгораживающий дом от пустыря. Забор этот слабенький, сетка рабица кое-как пристегнута к старым столбам. Павлов еще с дороги заметил, что два стол-

ба практически лежат, и сетка в этом месте стелется по земле. Заходи кто хочет. Машину можно взять. Внедорожник во дворе стоял, старый «Гранд Чероки» еще второго поколения. Он стоял под навесом, который тянулся через весь двор от ворот до самого крыльца.

Также двор первого по счету дома просматривался через соседский забор, низкий, штакетный, когда-то очень давно покрашенный зеленой краской. И ворота деревянные, вросшие в землю, одна только калитка железная. Краска на ней сохранилась лучше, чем на остальной части забора. В нижней части калитки сохранилась только по кромке. Потрескалась, отслоилась, а сейчас отмокала на дожде. По этой калитке и бил сегодня ночью Ямщиков ногой. И бил ногой, похоже, не только он один. Кто-то совсем недавно врезал по калитке ногой, приложив к ней всю подошву, даже протектор отпечатался. Рельефный протектор. А у обуви Ямщикова подошва простая, практически гладкая.

Шарьялов здесь жил. Дом старый, из саманного кирпича. Крыльцо низкое, высотой в один кирпич, козырька над ним нет, и крыша за края дома не выступала. Переступив порог, хозяин сразу же попадал под дождь.

Во дворе садовые деревья, кусты, но все запущенные, неухоженные, небеленые. Навес к дому пристроен, гнилые столбы с трудом удерживали тяжелую шиферную крышу. Под навесом старый «Запорожец». Без колес, без лобового стекла, крышка капота снята, мотора под ней не видно. Да и

не могло там быть мотора. Двигатель у «Запорожца» сзади. Мусор во дворе, поддон деревянный валяется, старое дырявое ведро. На углу дома железная бочка – под сливом водосточной трубы.

Видел Максим и собачью будку без крыши, с оторванной доской по верхнему венцу, мало того, еще и перевернутую. А пса не замечал. Может быть, спрятался где-нибудь под навесом или дом не охранялся.

Знать о себе давали собаки из соседних дворов, но гавкали они вяло, уныло из своих будок. Не хотелось им лезть под дождь, это уголовному розыску все нипочем.

Павлов постучал в калитку еще, на этот раз сильней. И калитка открылась. Засов слетел, повис на одном шурупе.

Максим не поленился, осмотрел засов. С мясом его вырвали. Возможно, Ямщиков ногой приложился или тот, кто оставил след подошвы на калитке. И без того хлипкий засов слетел с крепления, калитка открылась, что было дальше, Максим мог только догадываться. Вряд ли злоумышленник разнес будку; судя по всему, ее сломали уже давно, крыши-то нигде не видно. И хозяина вряд ли убили. Кто-то же вернул засов на место, вставил вырванные с мясом шурупы в старые гнезда. Создал, так сказать, видимость целостности, которую майор Павлов только что нарушил.

Собака не угрожала – Максим беспрепятственно прошел к самому дому. И там следы вторжения. Кто-то не так давно бил ногой в дверь. Все тот же след рельефной подошвы на

дверном полотне. Но вряд ли злоумышленник добился своего. Дверь хоть и старая, но крепкая, из толстых, плотно подогнанных досок. И открывалась она во двор, и к дверной раме прилегала плотно, внахлест. А по-другому нельзя: во время дождя дверь заливало, и вода могла попасть в дом.

Дверь и сейчас вся мокрая, следы от рельефной подошвы едва заметны, смыло их. Максим пожал плечами, осматривая след. Дверь заливало, да, но вода подавалась не под напором, а тут как будто «Керхером» по доскам прошлись. Или даже тряпкой с автошампунем. И то не везде, а только по нижней части двери. Но это объяснимо. Нижнюю часть двери, стены по фасаду заливало больше, чем верхнюю.

Мокрая дверь. И наглухо закрытая. Вместо ручки кольцо из кованого железа, им и постучать в дверь можно, и внутренний засов с места сдвинуть. Ручка проворачивалась, засов клацал, но дверь не открылась. На ключ закрыта. Замочная скважина без декоративной планки, просто дырка в двери. Но заперто крепко.

Павлов постучал – никакой реакции. Дернул за ручку – никакого результата.

– А я сейчас полицию вызову!

Во двор через открытую калитку входила женщина в таком же дождевике, как и у Павлова, только куда большего размера. В одной руке хозяйственная, битком набитая сумка, в другой зонтик со сломанной спицей. Немолодая, далеко за пятьдесят, нос рыхлый, под ним на губе большая ро-

динка с пучком волос на ней. Максим смог рассмотреть эту родинку, потому что женщина чуть ли не вплотную подошла к нему. И смотрела на него, не отрывая взгляда.

– Так уже полиция здесь. Майор Павлов! – Максим полез в карман за удостоверением.

– Не надо, верю.

– Да?

– Глаза у тебя хорошие.

– Да я и сам хороший, спросите у мамы, – улыбнулся Максим.

– А мама где?

– Далеко. Сами-то мы не местные.

– Да уж вижу... Пойдем чай пить, раз мама далеко.

– Э-э! – Максим указал на дверь.

Но женщина, качнув головой, повернулась к нему спиной и направилась к воротам. Чтобы продолжить разговор, ему пришлось идти за ней.

– А Шарьялов где?

– В город уехал.

– Давно?

– Первым автобусом.

– Автобусом? – Максим кивком указал на остановку, похожую на карточный домик.

– И он автобусом, и я автобусом. Вместе ехали.

Соседка свернула вправо, подвела его к третьему по счету дому. Одноэтажный, из белого кирпича, крыша новая,

металлочерепица, во дворе идеальный порядок. И забор из профлиста, причем по всему периметру участка. Там же, во дворе, под навесом стоял новенький «Икс-Рей».

– Сын у меня так же далеко, – открывая дверь, сказала женщина. – В рейсе. Раньше по Волге ходил, а сейчас по Средиземному морю. – Тоже по маме скучает.

– Даже не сомневайтесь, – кивнул Павлов, глядя на забор, отделяющий один участок от другого.

Забор высокий, сплошной, дом Шарьялова практически не виден. И вряд ли Арина Ивановна, как он узнал, звали женщину, могла видеть Ямщикова, когда тот ломился в дом к Шарьялову. Надо бы к другим соседям зайти, там забор между домами «прозрачный», все та же сетка рабица. И кусты-деревья еще только покрывались зеленью.

В доме чисто, уютно, на кухне газовый котел, обогревающий весь дом. Арина Ивановна сначала включила его, а затем уже поставила чайник.

– Что-то холодно сегодня, – поежилась она.

– Дожди!

– Да уж!.. А вы, говорите, из полиции?

– Начальник уголовного розыска.

– А мы ехали, машины полицейские видели. Человек там на обочине лежит, женщина плачет. Сбили кого-то?

– Когда видели? Когда в город ехали?

– Да нет, в город ехали, не видели. Темно было.

– Когда первый автобус был?

– В пять тридцать. А к нам где-то без двадцати подъезжает.

Павлов кивнул. Примерно в это время сейчас и светает, но погода нелетная, небо обложено тучами. Да, темно еще было.

– И Шарьялов с вами ехал?

– Да.

– То есть Ямщикова он убить не мог?

– Ямщикова?! Василия?! – встрепенулась женщина. Она ставила в холодильник молоко, бутылка чуть не выскользнула у нее из рук.

– Вы его знаете?

– Ну как же, они с Колькой моим в одном классе учились.

– А Шарьялов?

– Витька старше был на три года.

– Почему был?

– Он и сейчас, конечно, старше. Но сейчас-то разница в возрасте так не чувствуется. А тогда!..

– Колька ваш чувствовал разницу?

– Еще как! Сколько раз говорила ему, не трогай Витьку! Он и без того обиженный. А как его унять? Витька старше, значит, сильнее. А сильных бить можно!

– То есть это ваш Колька бил Шарьялова?

– Ну да, Витька слабый был, затюканный. Обижали его в школе.

– А с Ямщиковым он в каких отношениях был?

– И Ямщиков его обижал, к Кольке нарочно приходил, чтобы поиздеваться над Витькой. Витька однажды разозлился, в ответ ударил, а Васька взбесился, так его избил, что «Скорую» вызывали. Участковый приходил, и Ваську на учет в детскую комнату поставили, и Кольку моего. Витьку трогать перестали... Витьку потом в армию забрали, вернулся и на заработки уехал. Мать, Алевтина, умерла, он вернулся, второй год живет... Работал, работал, ничего не заработал...

– А сейчас он где работает?

– Говорит, что на комбинате работает на автопогрузчике, на складе, а там кто его знает. Он же постоянно врет.

– То есть вы не очень хорошего о нем мнения?

– Ну как... Жалко его, нескладный он, и в жизни все нескладно.

– Женат?

– Да какой там!

– Что так?

– Да какая нормальная девушка с ним захочет? А ненормальных тут нам и без него хватает! – взмахнула руками Арина Ивановна.

– Например?

– Что, например? – не поняла женщина.

– Кто у вас тут ненормальная?

– А-а!.. Да есть у нас тут одна, дом с мужем купили, а-а!

Говорить не хочу!

– Где дом купили?

– Ну, первый дом, там раньше Федоровна жила, потом дети ее в город забрали. А Сонька с мужем дом купили. Лет десять назад было, а на следующий год муж в реке утонул. И что ты думаешь, Сонька уже через месяц мужика привела!

– Бывает.

– А через год второго привела!

– С двумя живет?

– Нет, конечно!.. Хотя она такая, что и с двумя может, с нее станется!

– Не любите вы ее!

– А за что ее любить?

– Сын ваш, я так понимаю, не женат?

– Вот за это и не люблю!.. Сонька сейчас одна, а Колька жених видный... Вот только пусть попробует его на себе женить! Я ему все расскажу! – распалилась Арина Ивановна.

– Что расскажете? – не отступал Павлов.

– Да на ней клейма ставить негде!.. А зачем тебе? – подозрительно глянула на него женщина.

– Меня Шарьялов интересует, как у него там с этой Сонькой?

– В том-то и дело, что никак! Он-то, конечно, пытается, а она гонит его!.. Говорю же, даже ненормальные от этого сморчка шарахаются!

– Почему сморчок?

– Ну, не знаю. Так-то Витька не маленький, даже высокий.

Худой, правда... Нет, не сморчок! Колька мой его дрыщом называл!.. Смешной такой, нелепый, еще и лопаухий.

– А мнения он о себе какого?

– Мнения высокого! Все петухом ходит! Только бабы мокрую курицу в нем видят!

– Шарьялов на днях жену Ямщикова облапал, прямо в магазине. Целоваться лез, как будто старую подругу встретил.

– Витька может! С бабами он герой!

– Сегодня ночью Ямщиков разбираться приходил. Может, слышали, как он на машине к дому подъезжал? В районе двух часов ночи. Микроавтобус у него.

– Не слышала.

– Он в калитку ногой бил.

– Снотворного я вчера на ночь приняла, как убитая спала.

– То есть ничего не слышали?

– В районе двух часов?

– Где-то так.

– В первом часу слышала.

– Что слышали?

– Выстрел.

– Выстрел?

– Мне показалось.

– Так был выстрел или вам показалось?

– Может, приснилось... А может, и правда стреляли. У Витьки в доме. Из ружья... Он ружье купил, охотничье...

– В доме стреляли?

– Мне показалось, что в доме. Глухой такой выстрел. Если бы во дворе, по-другому бы звучало... Я у Витьки утром спросила, он сказал, что не было ничего. А сам напуганный такой...

– Напуганный?

– Не то чтобы уж очень, но обычно он хорохорится, а сегодня какой-то тихий был, пришибленный. Но встревоженный. Я спросила, чего он такой, он сказал, что дождь на нервы действует.

– Дождь всем на нервы действует.

– А Василия, значит, убили?

– Несчастный случай, – на всякий случай соврал Павлов.

– Машина сбила?

– Машина.

Ямщикова убили в районе двух часов ночи. Судя по истории перемещений его телефона, в два часа тридцать минут угнанный микроавтобус уже находился в городе. Сам же Ямщиков в это время уже лежал в темноте на обочине дороги. Убить его мог Шарьялов. Убить, угнать машину, бросить ее за городом, вернуться домой, а первым автобусом снова отправиться в Волговодск. А потом сжечь микроавтобус. Не сообразил сделать это сразу, поэтому вернулся.

– А Шарьялов на работу ехал, не знаете?

– На работу.

– А когда рабочий день начинается?

– У них не рабочий день, а смена. Начинается в семь утра.

Узнать, когда Шарьялов прибыл на работу, будет нетрудно. Если без опозданий, то вряд ли машину сжег он. Хотя мог и успеть... В общем, возможный маршрут его передвижений нужно составить, расчет времени произвести.

– А выстрел из ружья вы в первом часу слышали?

– Ну, может, и приснилось.

– В первом часу?

– Где-то без двадцати час было, я на часы глянула. Еще подумала, смогу заснуть или нет... Заснула. Сразу заснула!..

– И как Шарьялов стучал в калитку, не слышали?

– Не слышала.

Максим пожал плечами. В двадцать минут первого Ямщиков находился дома, в кого же тогда стреляли из ружья? Или и в самом деле Арине Ивановне выстрел приснился. Дождь по крыше стучал, на подоконник капало, могло и присниться.

Максим поблагодарил за чай, вышел из дома, позвонил своему подчиненному, поставил задачу, отправил Гуцулова на комбинат – узнавать про Шарьялова. Трогать подозреваемого пока не велел.

Он вернулся к дому Шарьялова, еще раз осмотрел двор и заметил резиновые сапоги у ржавой бочки, куда стекала дождевая вода. Сапоги мокрые как снаружи, так и внутри, но чистые. Тряпка валялась, которой эти сапоги мыли. Там же на старой табуретке лежала тряпка почище, на земле валялся кусок мыла. И всеми этими предметами, казалось, недав-

но пользовались. Дождь уже третий день льет, грязь на тряпке, которой мыли сапоги, уже бы размокла, а там все еще комочки, еще не размылись. И сапоги внутри не совсем еще намокли. Не так уж и давно их поставили. А мыли зачем?.. И дверь, возможно, мыли. Тряпкой, которая лежала на табуретке. Тряпкой с мылом. Зачем?

Павлов услышал хлопок, с которым захлопнулась крышка багажника. И вспомнил про «Гранд Чероки», стоявший у дома из красного кирпича. А закрылся именно багажник, дверь закрывается тише.

Максим не стал подходить к сетчатому забору, отделяющему один участок от другого. Земля здесь хоть и не чернозем, почва с преобладанием песка, но все равно грязно, увязнуть можно. Тем более что к соседнему дому он мог пройти, не испачкав обуви.

Глава 3

Молодая женщина открывала ворота торопливо, еще и поглядывая по сторонам. Увидев Максима, женщина ступенчатаясь, напряглась, но ворота все же открыла. Внедорожник стоял с заведенным двигателем.

– Куда-то собрались? – спросил Максим.

Женщине на вид лет тридцать. Куртка на ней спортивная, на голове капюшон, из-под которого выбивались светлые завитушки волос. Легкий макияж на лице, глаза кое-как накрашены, губы наспех подведены. Волосы чистые, как будто их только что вымыли. Видно, женщина приняла душ, кое-как нарядилась и отправилась в дорогу. А тут вдруг непонятно кто. Женщина заметно нервничала, Павлов явно смутил ее своим появлением, хотя она и пыталась не подавать виду.

– Куда я собралась?

– Может, на работу?

– Может, и на работу.

Павлов рассматривал женщину. Не красавица, но довольно-таки привлекательная. Глаза интересные, нос аккуратный, губы красивые. Симпатичная. И молодая. Для вдовы. Если это и была Сонька, о которой говорила Арина Ивановна.

– Так может или на работу?

– А ты кто такой?

– Майор полиции Павлов! – представился Максим.

И, надо сказать, женщина совсем не удивилась. Как будто знала, что ею могла заинтересоваться полиция.

– Ну, иди себе дальше, майор полиции Павлов!

– А поговорить?

– Не о чем мне с тобой говорить, майор полиции Павлов!

– Меня интересует ваш сосед Виктор Шарьялов.

– А вот меня он совершенно не интересует!

– Так и будем стоять под дождем? Может, хотя бы под навес пригласите?

– некогда мне! Ехать мне надо!

– Вы же сами не знаете, куда ехать.

– Как это не знаю!

– Знаете? А мне показалось, что нет. – Максим внимательно смотрел на женщину.

Что-то не то с ней. Волнуется она, нервничает, губы покусывает. Еще немного, и ногти грызть начнет.

– На работу я еду!

– В спортивной куртке?

– И что?

– А резиновые сапоги? – усмехнулся Павлов.

– Так дождь же!

– Документы ваши можно глянуть?

– А что документы?

– Ну, вдруг это не ваш дом.

– Как это не мой дом? – Женщина искренне возмутилась,

чувствуя полную уверенность в своих правах.

– Ну, вдруг вы грабите хозяев?

– Я?! Граблю?!. Вы в своем уме?

– Документы!

– Ну, хорошо, сейчас принесу паспорт.

– Зачем паспорт? Достаточно прав.

– Так нет прав, – замялась хозяйка дома.

– Как же вы тогда в дорогу? Тем более на работу.

– Не знаю, были, куда-то делись... Да и не еду я никуда!

– А ворота просто открыли?

– Ну да!

Женщина стала закрывать ворота, Максим ей даже помог.

И вместе с ней оказался во дворе дома. Под навесом и возле машины, которая стояла с заведенным двигателем.

– И машину заглушите, – сказал Павлов.

– Ну, это легко!

– А что нелегко?

– Слушай, майор полиции Павлов, ты такой дотошный! – кокетливо возмутилась хозяйка дома.

– Сам себе не рад!

– Да уж вижу, как дождевая туча ходишь. Ты улыбнись, вдруг дождь закончится!

– Убийство у нас.

– И кого убили? – нахмурилась женщина. А взгляд дернулся, щека дрогнула.

– Да вот пока не знаем.

– А то я видела вчера тут одного!

– Кого вы видели? – заинтригованно повел бровью Максим.

– Мужик тут по улице шел, шатался. За голову держался...

– Куда шел? Когда?

– Ночью. После полуночи.

– А точнее?

– Да не знаю... Хотя нет, вспомнила, часы полвторого показывали. У меня там в спальне часы.

– Где там?

– Хочешь посмотреть спальню? – загадочно улыбнулась женщина.

– А шел куда?

– В сторону города...

– Как он выглядел?

– А, пойдем в спальню, я тебе покажу! – лукаво сощурилась хозяйка дома.

– Э-э... – замялся Павлов, не решаясь спросить, что ему собираются показать.

– Покажу, как из моей спальни можно кого-то увидеть. Хорошо, что вообще кого-то увидела.

Женщина указала на забор, одна секция которого, считай, лежала на земле.

– Но это был мужчина?

– Ну да, высокий такой, походка мужская...

– Откуда шел?

– Точно не из моей спальни!

– А забор почему повален? – спросил Павлов.

– А это ко мне в спальню лось какой-то ломился! – задорно подмигнула ему женщина.

– Фамилию спрашивал?

– Кто, лось?

– А я спрошу!

– Ну, Зинченко Софья Владимировна... Можно просто Софья.

– Прав у вас нет.

– Ну вот, опять!

– А техпаспорт на машину?

– Может, в дом, чайку попьем?

– А как же работа?

– Я сегодня не работаю... Я сегодня отдыхаю! – притворно зажеманилась Зинченко.

В кармане зазвонил телефон, Максим достал его, активировал и чуть не оглох от голоса в ухо.

– Товарищ майор, я монтировку нашел! – радостно сообщил Кудылин.

– Молодец!

– Кровь на ней!

– Ямщикова?

– Может быть, Ямщикова, а может, и преступника. На рукояти кровь. Много крови было, ее даже дождем не смыло.

– Где монтировка?

Возможное орудие преступления уже находилось у эксперта, это успокоило Павлова. Он велел Кудылину ехать к Зинченко, назвал адрес.

– Может, все-таки чайку? – спросила женщина.

– Может, лучше в спальню?

Мужик, о котором говорила Софья, шатался и держался за голову, возможно, раненную выстрелом из ружья. Возможно, Ямщиков принял его за Шарьялова, остановился, набросился на него с монтировкой, от которой сам же потом и пострадал.

– Так сразу? – кокетливо возмутилась Зинченко.

– Покажете, из какого окна вы видели мужчину, – пожал плечами Максим. – За голову держался?

Софья его не смутила, нет, но желания идти к ней в спальню не было. Действительно, какая разница, с какого ракурса она видела, возможно, убийцу? Важен сам факт. Тем более что сам из этой спальни ничего не увидит.

– За голову.

– А вам ночью не спалось?

– Да генералить с вечера начала, думала по-быстрому, а оно как пошло-поехало.

– Генеральная уборка?

– Она самая!

– Поздно закончили?

– Говорю же, пошло-поехало.

– А может, выстрел слышали?

– Выстрел?

– Из соседнего дома.

– Витька стрелял? – удивилась Зинченко.

– Не слышали?

– Да нет... А стреляли?

– Шарьялов к вам вчера не заходил?

– А когда он ко мне заходит? – поморщилась женщина.

– Не заходит?

– Пусть только попробует!

Софья повела плечами, как будто крылья расправляла.

– А машина у вас чья? – спросил Максим.

Зинченко растерянно моргнула, глядя на него.

– Так это...

За спиной открылась калитка, Максим думал, что пришел Кудылин. И невольно вздрогнул, увидев здоровяка в кожаной куртке, который не входил, а, казалось, втискивался в проем калитки, настолько широкими плечами он обладал.

Здоровяк остановился, одним глазом он, казалось, смотрел на Максима, другим сверлил Софью. Губы плотно сжаты, на скулах вздуваются желваки. Широкий лоб, маленькие глаза под массивными надбровьями, крепкий нос, тяжелый подбородок. На лбу две морщины, свидетельствовавшие об интеллекте уровня пещерного человека, заряженного исключительно на охоту – искать, рвать, убивать. И ведь он мог это делать, причем без всякой пощады. И не один, а в паре со

своим дружкойм, который маячил у него за спиной. Такой же амбал с грубыми чертами лица.

Все бы ничего, но Павлов узнал и одного, и другого. Видел их у ворот отдела, крутились там в ожидании своего босса. Двух телохранителей Никса приняли вместе с ним, а этих не брали. Эти уже позже появились. Павлов, конечно же, навел о них справки. Гречнев Иннокентий Витальевич и Пикалев Георгий Антонович, Кеша и Пикаль собственной персоной.

– Это к вам? – спросил Павлов, обращаясь к Софье.

Он мельком глянул на женщину, заметил, как она побледнела. Испугал ее незванный гость.

– Да нет, – выдавила она.

– Майор полиции Павлов! – Максим полез в карман за удостоверением, но при этом он больше думал о пистолете.

– Да знаем! – кивнул Гречнев.

– Что тебе нужно, Кеша?

– Так это, Сонька на чаек приглашала! – Бандит нахально изобразил старт лыжника.

Максим вопросительно глянул на Зинченко, и та растерянно кивнула.

– Ну, я их завтра ждала, – еле душа в теле проговорила она.

– Завтра? – задумался Кеша, пристально глядя на Софью. – Ну, хорошо, завтра заглянем.

Он повернулся к Павлову спиной.

– Стоять! – крикнул Максим.

– Стоять! – подхватил Кудылин, подпирая бандитов с тыла.

Костя на ходу вынимал пистолет. Пикалев глянул на него хищно, угрожающе, но парня это не смутило.

– Эй, что за дела, начальник? – Гречнев развернулся к Павлову.

За оружие он не хватался, и Максим оставил пистолет в кобуре. Зато достал из кармана телефон.

– Не нравишься ты мне!

– Да мы к Соньке чисто зашли!

– Поговорим, – пообещал Павлов. – Обо всем поговорим.

Он не мелочился, позвонил Планидкину и попросил отправить к нему прикрепленный к месту происшествия наряд патрульно-постовой службы. Из города пока доедут, а тут раз, и уже на месте.

– Что-то я не понял, начальник! – набычился Кеша. – Что мы такого сделали?

Максим не спускал с него взгляд в готовности немедленно выхватить пистолет из кобуры.

– Покойника на дороге видел? – спросил Павлов.

– Ну да, накрыли там саваном кого-то, и что?

– Водителя убили, машину угнали, а потом сожгли.

– Ну а мы здесь при чем?

– Машину сжечь непросто, ее сначала бензином облить надо. А пары бензина – это тебе, парень, не просто так. А продукты горения, копоть там, все такое.

– Что все такое?

– На экспертизу тебя, Кеша, возьмем, продукты горения из тебя будем выпаривать. Вдруг это ты машину сжег? – предположил Максим, внимательно глядя на бандита.

И заметил смятение в его взгляде. И Гречнев занервничал, и Пикалев.

– Какую машину?

– Там и следы вокруг машины... Ты обувь сменил?

– Какую еще обувь?

Гречнев осторожно повел рукой, собираясь сдвинуть полу куртки, но Павлов также пришел в движение, быстро выхватил из кобуры пистолет.

– Эй, ты чего? – растерялся бандит, медленно поднимая руки.

– Спиной ко мне! Руки на забор! – велел Максим.

Кудылин в точности повторил команду, но обращался он к Пикалеву, который находился по другую сторону ворот.

Но Кудылин остался стоять, когда Павлов подошел к Гречневу, подстраховывая начальника. И при этом он наблюдал за Пикалевым, который повернулся к нему спиной.

Павлов быстро обыскал Гречнева, изъял у него пистолет, документы.

– Ствол законный! – сказал бандит.

– И наручники законные! – усмехнулся Максим. – Какое совпадение!

Он схватил Кешу за плечо и с силой развернул его к себе.

И только затем надел на него спереди на запястья наручники. Он же ничего противозаконного не совершил, чтобы замывать ему руки за спину.

– Не знаю, о какой машине разговор! Так что ты, майор, за беспредел ответишь! – пригрозил Гречнев.

– И даже извинюсь, – кивнул Максим. – Если ты не при делах.

– Не при делах мы! – ответил за дружка Пикаль.

Им занялся Кудылин, и обыскал, и окольцевал, все как надо сделал. И наряд не подвел: подъехал, забрал задержанных, Кудылина Павлов отправил с ними, сам же остался с Зинченко. Разговор с ней он все еще не закончил.

Женщина, как могло показаться, находилась в предобморочном состоянии. Появление бандитов нанесло удар по психике, да и Павлов своим присутствием раздражал, нервничала она очень, даже щека дернулась.

– Вы ничего не хотите мне сказать? – спросил Максим.

– А что говорить? – вымученно улыbnулась Софья.

– Чья это машина?

– Мужик у меня есть, он оставил.

– Где мужик?

– Да он машину у меня оставил, дома поставить негде.

– Когда оставил?

– Ну-у... – замялась Зинченко.

– Это он сегодня по дороге шел, за голову держался?

– За голову?.. – задумалась Софья.

– Он? – поторопил ее Павлов.

Женщина вздрогнула, какое-то время соображала, наконец выдала:

– Он!

– Кто такой?

– Ну, Мурмашов... Мурмашов Антон Егорович.

– А почему на машине не уехал?

– Выпил он крепко.

– А поставить машину негде?

– Ну и это!

– А генеральная уборка?

– Так отгенералил он меня!.. – Зинченко резко выдохнула воздух, направляя его на свой локон, свисающий на лоб.

– Пьяный был?

– Да.

– И Шарьялов в него не стрелял?

– Нет.

– А бандиты зачем к вам приходили?

– Ну, если они бандиты...

– Заходят иногда?

– Ну, заходили. А потом Антон Мурмашов появился.

– А может, Антон Мурмашов с ними заодно? Друзья-товарищи?.. Чем ваш Антон занимается?

– Строитель он, прораб, дома строит...

– Где строит?

– Да я точно не знаю. А что?

– И где сейчас Антон?

– Не знаю!

– Как это не знаете? – удивился Павлов. – Он ушел от вас с больной головой, пешком. А вы не знаете, где он?

– Так мы с ним поссорились!

– А-а! – У Максима отпали последние сомнения. Зинченко ему врала, выкручиваясь из положения, в котором оказалась. Что-то не так с ней, что-то не так. И очень хорошо, что Кешу и Пикаля отправили в участок.

– Может, вы его по голове ударили?

– Я?! По голове?! – разволновалась женщина.

– Разбили Антону голову, он ушел в ночь. Ямщиков возле него остановил машину, и Антон его убил.

– Антон? Убил Ямщикова?!.

– Знаете его?

– Знаю, поселок у нас маленький...

– Может, Ямщиков с вашим Антоном что-то не поделил?

Или кого-то?

– Или кого-то?.. В смысле, меня?

Максим кивнул, глядя на Зинченко. Женщина она интересная и в общем-то доступная, может, Ямщиков бегал к ней. А Мурмашов это знал и ревновал. И этой ночью свел счеты со своим соперником... А при чем здесь бандиты?.. Может, и ни при чем.

– У вас должен быть номер телефона Мурмашова, – сказал Максим.

– Есть, конечно.

– Очень хорошо! – Он протянул руку, требуя телефон.

И Зинченко подчинилась. Он взял ее смартфон, открыл список вызовов и увидел номер под ником «Антон». Последний раз этот абонент звонил Софье вчера в районе одиннадцати часов вечера. А она не звонила ему ни разу.

– Еще что-то? – изнывая от нетерпения, спросила женщина. Она, казалось, душу бы продала, лишь бы ее оставили в покое.

– Да есть вопросы...

Максим подумал, что нужно идти к машине, брать ноутбук, делать запрос, проводить геолокацию. А ведь он мог просто позвонить Мурмашову и выяснить, где тот находится. Совсем не обязательно говорить, что его подозревают в убийстве.

Он не удержался от искушения, набрал номер и услышал звонок. Телефон Мурмашова находился в его машине. Как оказалось, он лежал на заднем сиденье.

Максим открыл дверь, посмотрел на звонящий телефон, сбросил вызов.

– Он что, телефон в машине оставил? – удивилась Софья.

– А вы не знали?

– Нет.

– И не звонили ему ни разу?

– Так мы же поссорились!

– А почему на заднем сиденье?

– Поссорились?

– Почему телефон на заднем сиденье?

Зазвонил телефон, Павлов ответил. Нажимая на кнопку, он отошел от машины. Что-то запах в автомобиле не очень хороший. Тяжелый запах, как будто в багажнике лежал открытый мешок с грязными протухшими носками.

– Ну что, мы закончили, – сказал Планидкин. – Сворачиваемся.

– А я как раз звонить собирался, подозреваемый у меня тут наклюнулся.

– Неужели Челдышев? – ошарашил следователь.

– Почему Челдышев? – повел бровью Павлов.

– Да повезло, пальчики с монтировки сняли.

– Нормально!

Монтировка пролежала в грязи под дождем долгое время, и надо же, пальчики сохранились, более того, их сняли обычным способом, сразу же провели идентификацию. Кольшкин мастер своего дела.

– Кого ты там в отдел отправил? – спросил Планидкин.

– Так в том-то и дело!..

Челдышев, он же Челдыш, был телохранителем Никса, и не так давно его задерживали вместе с боссом. Отсюда и «пальчики» в картотеке.

– Тогда я в отдел, пообщаюсь с твоими задержанными...

А кого ты там под подозрение взял?

– Да уже не знаю... Потом поговорим, я скоро подъеду.

Павлов закончил разговор и снова переключился на Зинченко.

– Вы уже уезжаете? – с плохо скрываемой надеждой спросила она.

– Да вот что-то не пойму: или вы мне врите, или мы друг друга не понимаем, – проговорил Максим, в раздумье глядя на Софью.

– Да не вру я!

– Машина чья?

– Ну так Антона машина!

Максим потребовал техпаспорт, водительские права и убедился, что женщина не врет. Автомобиль действительно принадлежал Мурмашову Антону Егоровичу. Но ведь на нем мог приехать тот же Челдышев, чтобы переспать с Зинченко...

– А как же телефон? – раздумывая вслух, спросил Павлов.

– Что? – невольно вздрогнула женщина и от нервного напряжения поежилась, как человек, которого вдруг хватил озноб.

Максим не выяснял, кому принадлежит номер телефона, но звонок проходил под ником «Антон». Зинченко – женщина незамужняя, отчитываться ей не перед кем, а раз так, ни к чему прятать Челдышева под чужим именем.

– И все-таки с кем вы вчера были? – спросил Павлов.

– С Антоном была!

– А Гречнев с Пикалевым зачем к вам сегодня приходили?

– Не знаю!

– А телефон вашего Антона остался у него в машине... И сама машина у вас. Так где же сам Антон?

– Так не знаю!

– Откройте багажник! – Павлов поднял и резко опустил руку, как будто топором рубанул.

– Зачем? – шарахнулась от него хозяйка дома. И без того бледная, она стала белой, как молоко.

– Откройте! – повторил Максим.

– Там ничего нет!

Женщина пятилась от него, пока не уперлась спиной в столб, подпирающий крышу навеса. Максим внимательно посмотрел на нее, удивляясь самому себе. И как это он сразу не догадался заглянуть в багажник.

Глава 4

Голова туго перевязана, бинтов не пожалели. Но в теменной части головы кровь из-под повязки все-таки выступила. Человек был мертв. Тело, упакованное в полиэтилен, лежало в багажнике джипа. Его Максим и обнаружил.

– Откуда это? – Зинченко мотала головой, потрясенно глядя на труп.

А Павлов смотрел на фотографию в правах на имя Мурмашова. Да, в багажнике действительно лежал оригинал.

– Это вы у меня спрашиваете?

– Но я не знала!

– Как же вы собирались вывезти труп, не зная о нем? – усмехнулся Максим, вынимая из кармана телефон.

– Не вывозила я! – Женщина держалась за машину, чтобы не упасть.

Павлов связался с Планидкиным; судя по гулу, звучащему в телефоне, следователь находился в движущейся машине.

– Как настроение, Константин Дмитриевич?

– Павлов, ну тебя к черту!

– Труп тут у нас новый в Ветряном. Убитый Мурмашов Антон Егорович. Думаю, Гречнев его с Пикалевым приземлили.

– Нет! – встrepенулась Зинченко.

– В общем, разворачивайтесь, – глянув на нее, сказал

Максим и, сунув телефон в карман, спросил: – Что нет?

– То есть да! – взвешивая в уме «за» и «против», кивнула Софья.

– Так да или нет?

– Ну-у...

– Страшно?.. Бандиты для того и приходили, чтобы еще страшней стало?

– П-приходили! – кивнула Зинченко.

– А мы их в отделение... Что такое очная ставка, знаете?

– Э-э... Это я!

– Что вы?

– Убила... Но я не хотела!

– Случайно вышло? – усмехнулся Павлов.

– В общем, да...

– В общем?

– Я дрова рубила, а Антон подлез. Шел, споткнулся, стал падать и прямо под топор...

– А может, под пулю?

Максим не торопился снимать бинт с головы и не знал характер полученной раны. Может, на самом деле топором, а может, Шарьялов выстрелил из ружья. Или Софья выстрелила из ружья Шарьялова.

– Да нет, топором.

– Дрова рубили? Ночью?

– Почему ночью?

– Потому что в одиннадцать Мурмашов звонил вам... Или

вы сами себе звонили с его телефона?

– Ну да, ночью...

– Дрова рубили?

– Ну, показывала...

– Как дрова рубить?

– Да.

– А теперь покажите, как говорить правду.

– Я убила! Я!.. Какая разница как!

– Большая разница. Одно дело – дрова рубить, а он подлез, и совсем другое – убийство с умыслом.

– Я случайно!

– А бандиты?.. Челдышев был?

– Я не знаю, кто такой Челдышев!

– Кличка Челдыш?

– Не знаю!

– Или только Гречнев с Пикалевым были? – спросил Павлов, кивком указав на ворота.

– Их не было. Другие были!

– Челдышев, Антипов?

– Антипов?

– Был?

– Ну, один другого Антипом назвал. Поехали, сказал, Антип, пусть сама разбирается.

– Сама – это вы? С чем разбирается?

– С трупом... Они видели Антона... Они за ним приезжали, его искали. Наехали на меня, где Антон, спрашивают.

А там у меня кровь в коридоре, они увидели, ну, смотрят, Антон лежит. Мертвый уже... Топор забрали!

– Какой топор?

– Которым я убила, на нем кровь, отпечатки моих пальцев! Забрали на тот случай, если вдруг я на них заявлю, тогда они топор покажут, скажут, что я убила... И еще сказали, что труп вывезти нужно и закопать. А лучше в реку сбросить!

– В реку... – кивнул Павлов, глядя на пудовую гирию, которая стояла в багажнике рядом с трупом. – Это же в воду лезть надо. Или с обрыва сбросить?

– Да как-нибудь! – вздохнула, едва не заплакав, Зинченко.

– А Челдышев искал Антона? Зачем?

– Не знаю... Что-то они там натворили...

– Кто они?

– Кто они? – переспросила Софья. – Ну так он же прораб, у него бригада. Дом кому-то строили, что-то пошло не так. Вот он у меня и спрятался... Козел!.. – сквозь зубы процедила она.

– Бандиты за ним приехали?

– Да.

– Повалили забор, нашли труп Мурмашова, забрали топор и уехали? Когда это было, по времени?

– Где-то в половине первого.

– А без двадцати час прозвучали выстрелы, так?

Максим отошел от машины и, оставаясь под навесом, заглянул во двор соседнего дома. И надо же, увидел, как за-

крывается дверь в соседний двор. Неужели Шарьялов вернулся? Как же кстати, если да!

Наручники уехали с Гречневым, а так просто Зинченко во дворе оставлять нельзя. И группа еще не подъехала. Пришлось брать женщину с собой.

Калитку Шарьялов не починил, во двор они прошли свободно, а дверь оказалась на замке. Павлов постучал, но хозяин не откликнулся. Или нет никого в доме, или затаился Шарьялов. Возможно, стоит за дверью и дышит в полнотри.

– Слышь, черт, я с тобой тут цацкаться не собираюсь! Сожгу твою хату! И делов-то!

– Сожжет! – подыграла Зинченко. – Они такие!

– Давай открывай! Не бойся, нормально все будет! Пальцем не тронем!

Дверь была плотно закрыта, шумел ветер, Максим просто не мог услышать щелчок, с каким на ружье взводятся курки. Но почувал и сдал в сторону, увлекая за собой женщину. И только они сошли с линии огня, как громыхнул выстрел. Дверь пробили сразу две пули. Софья открыла рот, чтобы закричать, но Павлов закрыл его ладонью и жестом велел не двигаться.

Шарьялов не заставил себя долго ждать. Открыл дверь и, не увидев покойников, сразу же попытался ее захлопнуть, но Максим не позволил. Он тараном навалился на Шарьялова, сбил его на пол, сначала ударил в шею, а затем уже отобрал ружье.

Он не ошибся, на полу действительно лежал Шарьялов. Долговязый, нескладный, лопоухий, нос маленький, рот большой, как будто его растягивали вширь на разрыв. Одно слово, нелепый.

Шарьялов очнулся сразу же, дернулся, попытался встать, в ужасе глядя на Максима.

– Майор полиции Павлов!

– Э-э, а дом сжечь?

– Не буду я ничего жечь. И даже покушение на представителя власти прощу. Если расскажешь, как Челдышева убивал.

– Не знаю никакого Челдышева!

– Челдышев мужика в соседнем доме искал, потом зашел к тебе. Сначала его нашел, а затем тебя. Ты в него выстрелил, он ушел, раненый.

– Да? – задумался Шарьялов.

– И во всем признался!

– В чем во всем?

– В том, что ты в него стрелял. И в него, и в Антипова.

– И в Антипова? – снова задумался Шарьялов.

– Их двое было.

– Да, двое...

Максим выглянул за дверь, но Зинченко не увидел. Вышел, огляделся и заметил, как она забегает в свой двор. Воспользовалась моментом и к машине рванула. А ключи так и оставались в замке зажигания.

Софья очень торопилась, но время она уже потеряла. Пока откроет ворота, пока сядет в машину... Но Павлов вспомнил о Шарьялове. Наручников нет, скотча тоже, веревками вязать долго. А время уходит.

Максим схватил Шарьялова за шкурку, с силой потянул на себя, заставляя двигаться быстро, вприпрыжку.

Зинченко уже садилась в машину, когда Максим зашел к ней во двор. Шарьялова он оттолкнул в сторону, выдернул из кобуры пистолет и направил ствол на колесо. Прострелит шину, и на этом попытка бегства Софьи закончится. Зинченко правильно все поняла и не стала пытаться судьбу. Вышла из машины, опустила голову и протяжно вздохнула.

А в это время к дому, перекрывая беглянке путь, подъехал автомобиль патрульно-постовой службы, за ним остановился микроавтобус следственно-оперативной службы.

Наручников хватило на всех, и на Зинченко, и на Шарьялова.

– И кто это у нас? – с интересом разглядывая Шарьялова, спросил Планидкин.

– А это каша, – усмехнулся Максим.

Действительно, каша. Мурмашов сбежал от бандитов к своей любовнице, та убила его, а телохранителей Никса, предположительно, оприходовал Шарьялов, по крайней мере одного из них.

– Овсяная? – спросил Планидкин.

– Из топора... Труп там в машине, Мурмашова. Она то-

пором Мурмашова зарубила, – взглядом указав на Зинченко, сказал Павлов.

– Случайно! – не забыла напомнить Софья.

– А ты в Челдышева стрелял? – Максим с насмешкой глянул на Шарьялова.

– И я случайно, – кивнул тот. – Из ружья выстрелил, но не убил. Думал, что все... А потом смотрю, нет его.

– Ушел?

– Ожил и ушел.

– А Ямщиков?

– Смотрю, нет этого, Челдышева, а тут Ямщиков подъезжает. Ну, я не стал выходить, затаился. Он калитку выбил, в дверь кулаком стукнул и назад.

– А Челдышев в это время по дороге шел. Куда ты его ранил?

– В голову пуля попала. Думал, насквозь, она, видно, так, слегка задела. Но крови много было! И без сознания он лежал.

– А потом очнулся и ушел, – глянув на Планидкина, подвел черту Павлов. – А Ямщиков на него нарвался... Может, за Шарьялова принял. Он хоть и дрыщ, но высокий.

– Я все понял, – кивнул следователь.

– Кто дрыщ?! – обиделся Шарьялов. – Да я...

– Что ты? Еще кого-то убил?

– Ну-у...

– Что ну?

– Да нет.

– Куда делся Антипов?

– Антипов? – сник Шарьялов.

Антипов мог сбежать. Этим объяснялось отсутствие автомобиля, на котором приехали бандиты. Но в то же время Антипов мог вернуться, причем сразу, а Шарьялов убрался из дома только утром.

– Куда ты дел его труп?

– Труп? – Шарьялов с тоской посмотрел на следователя.

– Мы ведь все в доме перевернем. И собаки будут.

– Собаки? – Шарьялов вжал голову в плечи.

– Где труп? – спросил Планидкин.

– В огороде закопал, – чуть не плача, произнес Шарьялов.

– Тогда извини! – Павлов подмигнул следователю. – Ты не дрыщ, ты гигант!

– А что мне оставалось делать? Это же не я к ним в дом вломился!

– Они вломились?

– Ну, я за ружье... Всего лишь пугнуть хотел, смотрю, и один лежит, и другой.

– А они в дом ворвались? – спросил Максим.

– Да.

– Зачем?

– Ну-у... – замялся Шарьялов и почему-то посмотрел на соседку.

– А у них с головой не все в порядке! – подсказала та. –

На людей как собаки бросаются!

– Да, как собаки! – согласился с ней Шарьялов.

Но Максима не убедили в правоте своих слов ни тот, ни другая.

– Две собаки? – спросил он.

– Ну, образно, – кивнула Зинченко, снова глянув на Шарьялова.

– Одна собака сбежала, убив потом человека, другая в огороде. А машина куда делась?

– Какая машина?

– Так собаки же, наверное, не пешком пришли. На машине приехали. А машины нет. Куда делась машина?

Джип Мурмашова стоял во дворе у Зинченко, сгоревший микроавтобус Ямщикова нашли где-то за городом, а больше машин в окрестностях приселка Павлов не замечал. Если не считать «Икс-Рей» Николая Зайцева. Бандиты, конечно, могли приехать на этой машине, но зачем им ставить ее во двор к посторонним людям?

– Уехала машина, – кивнул Шарьялов, глянув на соседку.

– Уехала?

На машине мог сбежать третий бандит, но почему он тогда не застрелил Шарьялова? Испугался? Если так, то мог бы привести подкрепление. Гречнев и Пикалев, они появились только утром. А с Шарьялова должны были спросить сразу. Так нет, он даже труп успел закопать.

– Уехала.

– Сама по себе?

– Нет.

– Что-то вы не договариваете, – глянув и на Шарьялова, и на Зинченко, догадался Павлов. – Девочки и мальчики...
О чем вы там договорились?

– Да не договаривались мы! – мотнула головой Зинченко.

– Кто на машине уехал?

– Я даже не знаю, как ее зовут, – выдавил из себя Шарьялов.

– Женщина?

– Молодая, – глянув на Зинченко, кивнул Шарьялов.

– А вы что скажете, Софья Владимировна?

– А что я должна сказать? – нахмурилась Зинченко.

– Вы знаете эту женщину?

– Знаю, – так же, как и Шарьялов, под нажимом призналась Софья.

– Теперь говорите.

– Из-за нее все вышло... Прихожу домой, смотрю, машина стоит. Подумала, что Антон в доме, обрадовалась. Слышу, вода в ванной льется, открываю дверь, а там баба!

– Вам это не понравилось! – с усмешкой предположил Максим.

– Ну почему же, понравилось! Я потому за топор и схватилась!

– И на бабу?

– Она меня толкнула, из ванной выскочила, я за ней. Ну

И...

– Что ну и?

– Ну, я топор в нее кинула. А тут Антон, топор ему прямо в голову... А эта сука убежала!

– Куда? – Максим перевел взгляд на Шарьялова.

– А я домой как раз шел, смотрю, баба выбегает... Ну, я как истинный джентльмен...

– Что как истинный джентльмен? – поторопил Планидкин.

Он рвался к трупу, которым занимались эксперты, но и уйти не мог, уж очень бурную картину рисовали местные «художники». Уровень художества, что называется, зашкаливал.

– Домой к себе ее отвел. Спрятал от нее! – Шарьялов кивком указал на Зинченко.

– А чего прятать? – фыркнула та. – Как будто мне до этой суки было!..

– Не до нее?

– Антон кровью истекал! – всхлипнув, вдруг заплакала женщина.

– А потом бандиты появились?

– Ну да.

– Мурмашова искали? И его подружку?

– Ну, в общем, да.

– А что сразу не сказали?

– Так это, я ж эту суку убить хотела...

– А убила Мурмашова.

– Случайно его, а эту... Эту случайно не могла убить.

– А у тебя что за секретность? – обращаясь к Шарьялову, спросил Максим. – Почему сразу не сказал?

– Так это...

– Тоже убить эту несчастную пытался?

– Ну нет!

– Изнасиловать?

– Э-э... Нет, конечно!

– Изнасиловал?

– Да нет! – взвился Шарьялов.

– Ну, если нет, колись!

– Так я все сказал!

– Как женщину зовут? Фамилия, имя?

– Да не знаю! – мотнул головой Шарьялов.

– Мы все равно ее найдем! – пристально посмотрел на него Максим.

И женщину они найдут, и машину, на которой она уехала. И как она связана с Никсом, узнают. Майор Павлов ничуть в том не сомневался.

* * *

Чем дальше в лес, тем больше дров. Пока только три трупа, один на дороге, другой в машине, третий в огороде выкопали. Интересно, что дальше?

Подполковник Малахов только что вернулся из Астрахани, два дня там пропадал. Утомился с дороги, но всю усталость как рукой сняло. Три трупа в одной цепи событий, которая тянулась к Никсу.

– Если с одного конца смотреть, то сначала убили Ямщикова, потом нашли труп Мурмашова, дальше Антипова, – разглагольствовал Павлов. – А если глянуть с другого? Не знаю, но Мурмашов обидел Никса или разгневал. Мурмашов со своей подружкой сбежал к любовнице, Зинченко вместо того, чтобы разобраться, набросилась на несчастную женщину. Мурмашов попал под горячую руку, первый труп; несчастная сбежала, попала к Шарьялову, не знаю, что он с ней там делал, но появились телохранители Никса, два выстрела, и одного из них он убил. Второго ранил, тот лежал некоторое время без сознания, потом очнулся и убил еще одного.

– Да уж, – качнул головой Малахов.

– А утром появились засланцы Никса – Гречнев и Пикалев – Кеша и Пикаль.

– Это ты правильно сделал, что принял их, – кивнул Малахов.

– Да это Стасов позвонил, сказал, что машину нашли. Ну, микроавтобус Ямщикова. Сожгли машину. Вот я и подумал, сначала Кеша и Пикаль машину сожгли, а потом дальше следы стали замечать. Может, Зинченко убить собирались, может, просто поговорить, чтобы язык за зубами держала. Не

знаю, и Кеша молчит, и Пикаль. Да дело не только в этом. Дело в том, что Челдышева нет нигде. По больницам прошлись, по моргам, нет его там, прячут где-то. Может, у Никса в доме, хотя вряд ли.

– Ну, к Никсу мы, конечно, заглянем, – кивнул Малахов. – И с Гречневым поговорим, и с этим...

– С Пикалевым, – подсказал Макс.

– С ним поговорим, узнаем. Все, что нужно, узнаем.

– А может, Челдышева и в живых-то нет. Может, загнулся. Мурмашов тоже не сразу умер, пожил чуток, Зинченко даже голову перебинтовать успела, думала, ничего серьезного... Врет, конечно. – Макс почему-то смотрел куда-то в сторону. – Сразу поняла, что рана серьезная, «Скорую» надо было вызывать, а она испугалась... Идиотка!

– Это ты о чем?

– Так труп вывезти пыталась. Не знала, что с ним делать. Думала, в огороде закопать, как Шарьялов, потом решила вывезти, в машину загрузила. Сначала в доме убралась, не поверите, там в доме чистота идеальная... Кровь, правда, все равно нашли, под половицу натекла. А сверху так сияет все!

– Ты что-то другое хочешь сказать, – Малахов с подозрением смотрел на подчиненного.

Что-то не договаривал Макс, что-то скрывал.

– Так это, и Шарьялов дом генералил, даже входную дверь от крови отмыл. И сапоги вымыл, в которых труп закапывал. А в огороде грязь, мы сразу поняли, где копать... Грязищи

жуть!

– Ты мне так и не сказал, кто с Мурмашовым был.

– Женщина с ним была.

Макс, казалось, заставил себя посмотреть начальнику в глаза.

– Кто такая? – дурное предчувствие еще не шевельнулось, но уже проникло в душу.

– Так в том-то и дело, что Зинченко говорить про нее не хотела... И Шарьялов молчал как рыба об лед... Она ведь голая из дома выбежала.

– Кто, Зинченко?

– Да нет, эта... молодая. Шарьялов говорит, что красивая... А он мужик озабоченный, мог и воспользоваться моментом... Может, она и от него вырвалась. Только он не за топор схватился, а за ружье, ну а тут Челдышев с Антипом. Он выстрелил, они упали, а она бегом и в машину...

– Голая?

– Возможно, – Павлов снова отвел в сторону взгляд.

– Кто такая? Как ее зовут?

– Катя.

– Катя? – Малахов с трудом сдержал вздох облегчения.

Он жил с красивой молодой женщиной. Увы, но Ева далеко не образец благочестия. Не столько распутная, сколько избалованная легкими деньгами. Ее братья унаследовали химкомбинат, ради которого и был в свое время воздвигнут Волгодонск, она владела самым большим в городе торговым

центром. Вышла замуж, развелась, долгое время жила в свое удовольствие. И года не прошло, как Артем возглавил районную полицию, а Ева уже успела засветиться в двух уголовных делах. И даже стала причиной смерти своей одноклассницы, муж которой заманил Еву к себе на огонек, а потом растрепал, что переспал с нею. Жена слишком эмоционально потребовала объяснений, и Козоев ее задушил. А на него вышел убийца, который всего лишь не успел привести приговор в исполнение. А приговор вынес брат Евы – Виталий Лазарев. Он же задолго до этого приговорил к смерти полковника полиции Земского, который имел неосторожность завести роман с Евой. Следующий начальник районной полиции потребовал у Евы объяснений, сцепился с Лазаревым и вскоре отравился водкой.

Земский застрелился, подполковник Хохлатов отравился, майор Чиркин также погиб в результате «несчастливого случая». Все понимали, что их убили, поэтому должность начальника отдела МВД долгое время оставалась вакантной, пока подполковник Малахов не согласился ее занять. Тогда он совершенно не боялся смерти. Да и сейчас не страшно.

Не успели посадить Козоева, как Ева снова отличилась. Отправилась в гости к видному профсоюзному деятелю, только там, у него дома и взялась за голову. Если ей верить, до постели дело не дошло. Так это или нет, но Ева уехала, а Трутова в ту же ночь убили. Под подозрение попала Ева и ее брат, но Трутова, как оказалось, убил человек, близкий к

Борщеву.

Малахов помнил свое состояние, когда узнал, чьи следы обнаружили тогда на месте преступления. Ева обладала уникальной способностью спотыкаться на ровном месте, поэтому он бы не удивился, назови Макс ее имя. Он даже готовил себя к этому.

– Катя, – кивнул Павлов. – Так она назвалась.

– Назвалась? – встрепенулся Артем.

– Не хотела называть свое настоящее имя.

– А настоящее имя? – Малахов, не мигая, смотрел на подчиненного.

– Не знаю.

– Не знаешь?

– Шарьялов не сказал, он не знает.

– Нет?

– Зинченко сказала. Челдышев про какую-то Еву спрашивал.

– Про какую-то? – похолодел Артем.

– Зинченко сказала, а Шарьялов опознал. – Макс коснулся пальцами кармана, в котором у него находился телефон.

– Ева?

– Лазарева.

– Подружка Мурмашова? – с трудом разжимая челюсти, проговорил Малахов.

– Надо выяснять, – Павлов смотрел куда-то сквозь него.

Малахов кивнул. Визит к Никсу откладывался, сначала –

разговор с Евой.

Глава 5

Лифт остановился, стеклянные створки раздвинулись, путь свободен. Артем вышел в просторный, ярко освещенный холл. Первый ярус четырехэтажного пентхауса, здесь и кафе, и кинотеатр, и спортзал. И рабочее место нового телохранителя Евы. Вернее, телохранительницы. Таис, как звали девушку, внешне напоминала мужчину. Короткая прическа, невыразительные черты лица, плоская фигура, даже походка мужская.

– Товарищ полковник! – улыбнулась Таис.

– Не заигрывай! – усмехнулся Артем.

Не полковник он еще, но все к этому идет. Может, этим летом присвоят, если не накосячит. Или связь с морально неустойчивой женщиной не всплывет.

Опустился внутренний лифт, появилась Ева – красивая, легкая, воздушная. Волосы распущены, свежий макияж, запах желанной женщины. Платье свободное, из чистого шелка, на ощупь такое же нежное и гладкое, как ее кожа.

– Ну, наконец-то! – Ева обвила руками его шею, но в глаза не посмотрела.

– Соскучилась?

– Спрашиваешь!

Она повела его к лифту с такой поспешностью, как будто сгорала от нетерпения и срочно требовался пожарный. А

ведь не так давно Ева умирала от счастья в его объятиях. Но в последнее время она остыла и к Артему, и к его ласкам. Может, и не совсем охладела, но огоньку точно не хватало. Она не говорила, но он чувствовал. И сам ничего не говорил. Ждал, когда совсем остынет. Поэтому не торопился со свадьбой. А ведь они шли к этому. Хотели весной пожениться, потом перенесли на лето. В расчете на осень.

Но сейчас Ева действительно пылала изнутри. И очень-очень чего-то хотела. И так тесно прижалась к нему в лифте, потерлась о него, как та кошка о хозяйскую ногу. Даже замурлыкала.

– Что это с тобой? – удивленно спросил Артем.

– Как это что? – И она удивилась, и так же неискренне. – Соскучилась! Два дня тебя не было!

Створки лифта открылись, они вышли к бассейну. Ева скинула с плеч бретельки платья.

– Всего одну ночь.

– Эта ночь тянулась как целая вечность.

– Ну да, то одно, то другое.

– Что, то одно, то другое? – Ева повернулась к Артему. Хотела посмотреть ему в глаза, но взгляд поплыл. И губы дрогнули.

– Когда ты вернулась домой? – спросил он.

– От мамы? – Ее пальцы нащупали правую бретельку платья, вернули ее на плечо.

– Ты была у мамы?

– Да.

– А раньше?

– Где раньше?

– Я все знаю!

– Что ты знаешь? – Ева толкнула его в грудь, крепко сжав кулачки.

– Все!

– Да нет, это я тебя знаю! Когда ты говоришь, что знаешь все, на самом деле ты не знаешь ничего!

Ей катастрофически не хватало уверенности, и она нервно сжимала кулачки.

– Куда ты дела машину Челдышева? – резко спросил Артем.

– Какого еще Челдышева? – Ева умоляюще смотрела на него.

Он должен был замолчать, иначе она разревется.

– Бандиты Никса тебя искали. – Малахов пристально смотрел на нее.

– Какого еще Никса?

– Кто такой Мурмашов?

– Еще и Мурмашов?

– Почему ты пряталась с ним в Ветряном, у Софьи Зинченко?

– У Софьи?

– Ты убегала от нее голышом!

– А этот козел хотел меня изнасиловать! – не выдержала

Ева, и слезы хлынули из ее глаз, но Артем не ощутил в себе желания вытереть их.

– Давай с самого начала.

– Это все бильярд! – всхлипнула она.

– И с кем ты играла в бильярд?

– Э-э... В каком смысле? – встрепелась Ева.

– С кем?

– Ни с кем!.. То есть я была у него дома.

– У кого у него? – спросил Малахов.

– Понимаешь, мне нужно было проверить себя... – Ева смотрела на Артема широко раскрытыми глазами, тщетно и отчаянно пытаясь придать им выражение невинности.

– На бильярде?

– Ну почему на бильярде? Вообще!

– С кем?

– Говорю же, вообще... В последнее время ты перестал уделять мне внимание!

– Я?! – Артем удивленно повел бровью.

– Ну, я тоже слегка остыла... Так бывает, когда долго живешь вместе. Даже если очень-очень любишь!.. Наступает момент, когда возникает потребность проверить себя, проверить свои чувства на прочность.

– Наступает, возникает... Короче можно?

– Ну, я когда Эдика увидела, поняла, что пора.

– Что пора, чувства на прочность проверить?

– Ну, в общем, да, – вздохнула Ева.

– Проверила?

– Он дом построил, бильярд покупал у нас в центре, увидел меня, пристал, девушка, девушка... В общем, познакомились.

– А вчера я уехал.

– Да, ты уехал... и Эдик позвонил. Бильярд, сказал, установил, обмыть, сказал, надо. Ну, я его послала!

– Откуда, с бильярда?

– Нет, из дома... А он подъехал, звонит, спускайся.

– Опускайся, – поправил Артем.

– Нет, спускайся, – не согласилась Ева.

– И ты опустилась, – настаивал он.

– Ну, в общем...

– Кто такой Эдик?

– Ну ты же спрашивал про Никса. Так вот это его брат. Я потом это уже узнала.

– На бильярде? Или под ним? Где ты там лузы раздвигала? – не в силах сдерживать себя, спросил Артем.

– Да не было ничего!

– Ну, конечно!

– Нет, правда!

– Правда в том, что ты катала шары в гостях у моего врага.

– Эдик – твой враг?

– Никс – мой враг. А тебя развели как последнюю шлюху... Ты узнала, что Эдик – брат Никса. Дальше что?

– Нет, сначала Эдик попытался меня изнасиловать!

– Он что, извращенец, нормально не может?

– Нормально я ему не отдалась! Тогда он меня на диван повалил! Под юбку полез!

– Давай без подробностей! – поморщился Артем.

– И залез бы! Если бы брат не приехал.

– Никс?

– Ну да, дверь открывается, входит этот самый Никс. А с ним Борщевик.

– Кто?!

– Борщевик... Я его узнала, и он меня узнал. Не знаю, что на него нашло, но он ударил Эдика. Сначала Никс его за шкирку схватил, с меня сорвал, а потом Борщевик ударил. И на меня глянул. Ну, рисанулся! Типа, герой!..

– Дальше что?

– И еще раз Борщевик ударил Эдика!.. А потом еще... За кий схватился, да как даст! По спине!

– Кием?

– Кий сломался, на две половины разлетелся... Ну, Эдик и сорвался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.